

УКРАИНСКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ (об украинских паремиях в тезаурусе В. Флайшганса)

Григорий Петрович Пивторак известен своими трудами о дифференциации восточнославянского мира. И действительно, этот мир не был однозначно единым, несмотря на постоянное взаимодействие различных племенных диалектов и славянских языков. Украинский язык в этом мире всегда занимал позицию *spiritus movendi*, усиливающим такое взаимодействие или дифференцирующим его. Эта позиция характерна и для украинского фольклора малого жанра — паремиологии.

Развитие украинской паремиографии, как известно, начинается уже с первых «Азбуковников», включавших паремии в свои словники¹. Не случайно и то, что уже в первых грамматиках украинского языка, особенно в грамматике А. Павловского, пословицы и поговорки не только широко используются для иллюстрации описываемых грамматических явлений, но и выделяются в особые разделы². Неудивительно поэтому, что первый паремиологический тезаурус украинской паремиологии М. Номыса³, вышедший практически одновременно с «Пословицами русского народа» В. И. Даля⁴, превосходит русское собрание и количественно, и более детализирован ареально и культурологически. Паремиологический же тезаурус И. Франко⁵, методологически построенный, вслед за собранием К. Ф. В. Вандера⁶, по-иному, чем у М. Номыса и В. И. Даля, принципу — не по тематической группировке, а по стержневому слову с точной паспортизацией места записи и широким сопоставлением с европейскими (особенно немецкими) параллелями, в русской паремиографии не находил адекватного аналога. Лишь недавно мы попытались восполнить такую лакуну, издав трёхтомное собрание русских пословиц, поговорок и народных сравнений, описывающее в целом 155 тыс. паремий⁷.

¹ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII в. Старшая разновидность. — Ленинград, 1989. — 295 с.

² Муцинская В. В. Лексика и фразеология в «Грамматике» А. Павловского : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007. — 16 с.

³ Українські приказки, прислів'я і таке інше : 3б. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. — 3-є вид. — СПб., 1864; К., 1993.

⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа : В 2 т. — М., 1861–1862.

⁵ Галицько-руські приповідки : В 3 т. / Зібрав, упоряд. і пояснив д-р. Іван Франко. — Л., 1901–1910.

⁶ Wander K.-F.-W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. — Leipzig, 1873. — 973 S.

⁷ Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / Под ред. В. М. Мокиенко. — М., 2008. — 784 с.; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под ред. В. М. Мокиенко. — М., 2010. — 1024 с.

Традиция максимально полного и точно документированного описания украинских пословиц и поговорок блестяще продолжена и современной паремиографией. Полное право называться тезаурусом имеет четырёхтомник неутомимого собирателя украинского фольклора малого жанра М. М. Пазяка⁸, сумевшего не только творчески отразить в новой тематико-культурологической их композиции всё, что сделали его предшественники, но и пополнившего прежние коллекции паремий и архивными данными, и собственными записями, и свежими комментариями и обобщениями.

Успехи украинской паремиографии, естественно, не могли остаться незамеченными в европейской славистике. К такому ценному материалу обращались и фольклористы, и этнографы, и лексикографы. Более того — в период славянского Возрождения славянофилы, увлеченные идеей славянской взаимности, нередко черпали в украинских пословицах и поговорках живительную силу обогащения собственных языковых и образных ресурсов. Вот почему в собрании Ф. Л. Челаковского «*Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*»⁹ многие украинские пословицы, буквально переведённые на чешский язык, стали собственно чешскими, пройдя, естественно, сквозь горнило национального литературного языка. Типичный пример — пословица *Терпи, козаче, отаманом будеш*, известная в разных вариантах: *Терпи, хлопче, козаком будеш; Терпи, козаче, отаманом будеш* (Пазяк, 3, 264); *Терпи, козак, будеш їсти мед; Терпи, козак, будеш пити мед* (Пазяк, 3, 425); *Терпи, козаче, горе, мед будеш пити* (Пазяк, 3, 264). Ф. Л. Челаковский включил эту пословицу в своё «Мудрословие», рукопись которого он подарил основательнице современного чешского языка Б. Немцовой, обеспечил её полную адаптацию и долгую жизнь, ибо в своём романе «Бабушка» писательница несколько раз её употребила. Неудивительно, что, по данным паремиологического опроса, предпринятого Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлером¹⁰, пословица *Trp, kozáče, budeš atamanem* относится сейчас к самому частотному ядру национальной чешской паремиологии. Не случайно она давно уже обогатила и паремиологические фонды русского, белорусского, польского и словацкого языков: *Терпи, казак, будешь атаманом; Цярні, казак, атаманам будзеши; Cierp, Kozacze, atamanem będziesz*¹¹; *Trp, kozák, atamanom budeš*¹².

Как видим, влияние украинской паремиографии на славянскую требует особого изучения уже и потому, что благодаря панславянской концепции она активно использовалась славянскими «будителями» для обогащения своих национальных образных ресурсов. Положительный эффект такого влияния несомненен, но лингвистический анализ, точно диагностирующий источники такого влияния и взаимодействия, также бесспорно необходим, поскольку позволяет в каждой славянской культуре и языке разграничить евроцентристские и славяноцентристские тенденции.

Такую работу в области чешской паремиографии проделал один из лучших знатоков древнечешского языка В. Флайшганс. История его словаря «*Sbírka*

⁸ Прислів'я та приказки / Упоряд. М. М. Пазяк.— К., 1989–2001.— Т. 1–4 (далі — Пазяк).

⁹ Čelakovský L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích, k němuž připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel.— Praha, 1852; 2-é vyd.— 1893.

¹⁰ Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století.— 2-é vyd.— Praha, 2003;

¹¹ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego.— Warszawa, 1969–1978.— Т. 1–4.

¹² Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева.— СПб., 2000.— 360 с.

prísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku», столетний юбилей выхода которого в свет исполнился в 2013 году, — неразгаданная загадка чешской лексикографии и фольклористики¹³. Его двухтомный тезаурус — одно из самых полных и до сих пор лексикографически весьма ценных собраний не только чешских, но и славянских пословиц и поговорок в сопоставлении с западноевропейскими. Ценность этой книги — прежде всего в том, что в ней чешские пословицы и поговорки даются в полнокровном контексте европейского фольклора малого жанра: здесь представлены параллели из многих славянских языков, а также из немецкого, французского, английского и латыни. Тем самым демонстрируется «европейскость» чешской народной культуры, её древняя связь с фольклором многих народов Европы, причём не только передаваемым устным путём, но и по культурным книжным каналам — от Древней Греции и Рима до средневековой и позднейшей литературы.

Казалось бы, что за истекшие сто лет этот словарь должен был бы не раз и не два переиздаваться как памятник национальной культуры, отражённой в языке. Собственно, книга могла бы быть переиздана и при жизни её автора, ибо В. Флайшганс прожил долгую и плодотворную филологическую жизнь. Тем не менее этому ценнейшему собранию европейской паремиологии было уготовано столетнее его умолчание. На книгу практически не было и до сих пор очень мало ссылок даже специалистов по славянской паремиологии. Лишь к столетию её издания нам удалось переиздать этот тезаурус в Чехии, сопроводив его комментариями и обширным предисловием¹⁴.

Причиной такого умолчания была именно антипанславянская идея, которая в этом словаре была последовательно воплощена на материале чешских пословиц и поговорок. Вторая половина XIX — начало XX в. были периодом бурного развития паремиологии. В пословицах и поговорках видели (и не без основания) языковое воплощение национального, народного духа. Эта «национальная идея» и вдохновляла большинство составителей таких тезаурусов.

В. Флайшганс пошёл иным, совершенно противоположным путём. В чешских пословицах и поговорках он увидел не столько воплощение национально-родного, «своего», сколько отражение общеевропейской культуры и общезыкового поля. Это было вызовом и панславистам, воплотителем идей которых в паремиологии стал Ф. Л. Челаковский, и тем, кто на пословицы и поговорки смотрел традиционно — как на порождение собственно чешской народной мудрости и общеславянского «Мудрословия». Этот взгляд долго укоренился в чешском национальном сознании. Именно против такой идеи и выступил В. Флайшганс, надолго опередив свое время — время поисков национальной идентичности и славянского единства. Естественно, что эта «антиидея» оказалась невостребованной — как несвоевременная.

Последовательно выявляя тесную связь чешских пословиц и поговорок с западноевропейскими, В. Флайшганс в то же время скрупулёзно анализирует «славянский след» в чешской паремиологии. Следы славянизации ведут и к таким авторитетам славистики и богемистики, как Я. А. Коменский и Й. Добровский. Но основоположником идеи славянского духа в чешской паремиологии,

¹³ *Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku.* — Praha, 1911–1913. — Díl. 1–2.

¹⁴ *Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku.* — 2-é rozšíř. vyd. / Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova; Ed. V. Mokienko, L. Stěpanova. — Olomouc, 2013. — Díl. 1–2.

естественно, был Ф. Л. Челаковский с его гимнологическим сводом, красноречиво названным «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel». Увидевшее свет за полвека до издания двухтомного тезауруса В. Флайшганса, собрание славянских пословиц Ф. Л. Челаковского надолго определило национальные и панславистские направления паремиографии в славянских странах. В отличие от книги В. Флайшганса, на него постоянно ссылаются как на один из надёжнейших паремиологических авторитетов.

В. Флайшганс как раз и оказался тем чешским языковедом, который осмелился прямо заявить о том, что чешские пословицы и поговорки ближе к немецкому и общеевропейскому, чем к инославянскому, особенно восточнославянскому. Будучи истинным филологом и знатоком не только старочешских текстов, но и многих европейских языков (как славянских, так и неславянских), он подверг весь ему известный фонд чешской паремиологии детальному исследованию, сопоставив каждую попавшую в его поле зрения пословицу и поговорку с паремиями других языков.

Проделав столь скрупулёзную работу, В. Флайшганс вынужден был усомниться в справедливости той национальной и панславистической идеи, которая заложена в «Mudrosloví...» Ф. Л. Челаковского. Факты — упрямая вещь, и именно они показали, что предшественник В. Флайшганса последовательно и упорно славянизировал чешскую национальную паремиологию, буквально переводя русские, украинские, польские, словацкие, верхне- и нижнелужицкие, сербские, хорватские, словенские и болгарские пословицы на чешский язык. Будучи историком чешского языка и текстологом, В. Флайшганс работал с каждой пословицей как с палимпсестом, состоявшим из слоев разных эпох. Такой метод показывает, что многие пословицы — даже те, которые укоренились в чешском языке и употребляются писателями и говорящими, — не имеют чешского «паспорта», а явились результатом славянизационного творчества Ф. Л. Челаковского.

Легко увидеть, что такой вывод в корне противоречит курсу Ф. Л. Челаковского на «славянизацию» чешских пословиц. «Национальный дух» пословиц в лучах спектрального анализа, выполненного В. Флайшгансом, оказался духом интернациональным.

Украинскому материалу В. Флайшганс придаёт большое значение в поисках славянских источников чешских пословиц и поговорок. Он обнаруживает основательное знание украинской паремиографии того времени. В «Предисловии» к своему словарю он дважды подчёркивает значимость украинского материала для славянской и общеевропейской паремиологии. Особо выделяется им «обширный труд» (rozsáhlé dílo) И. Франко, 1-й том тезауруса которого — «Галицько-руськи народні приповідки» — увидел свет во Львове в 1901–1905 гг. Выражая уверенность, что украинский паремиолог доведёт этот труд до конца, В. Флайшганс так характеризует его: «Je to sbírka materialu hlavně z úst lidu (zejména z rodiště Frankova, Nagujevič) pocházející, tu a tam doplněná parallelami polskými, ruskými, německými i jinými, často také podávající výklad o vzniku přísloví, srovnaná methodou Wander-Adalbergovou, téměř naprosto pomíjející prameny knižné. V úvodě podává přehled dosavadních sbírek maloruských přísloví (str. VII–X, tištěných, jako Пькевиčovy, Gnїdkovsьkého a j., i rukopisných), soupis míst, z nichž látka pochází (str. XII–XVI, asi 200 vesnic a městeček) a také seznam hlavních sbírek cizích a jinoslovanských (str. XX–XXIV)»¹⁵. Здесь же он упоми-

¹⁵ Čelakovský L. Op. cit.— S. X–XI.

нает о собрании М. Номыса (1864) «Українські приказки, прислів'я», Шевен-товского (1872), Хильтербрандта (1877), В. Вислоцкого (1869), М. Комарова (1890), а также об интересе к историческому изучению украинских пословиц Н. Ф. Сумцова и отражению в них народной философии у Й. Е. Згарского (1873).

Более того, в своём предисловии В. Флайшганс подчёркивает, что библиография украинского фольклора, включая паремиялогию, в начале прошлого века является среди славянских источников такого рода «наилучшей»: «Bibliografii folkloristických prací, také příslovných, ze slovanských národů nejlepší dosud mají Malorusové. Kromě starších prací Pypina a Sumcova jest tu na předním místě jmenovati důkladné dílo “Литература украинского фольклора 1777–1900”, jež sestavil B. D. Grinčenko (v Černigově 1901)»¹⁶. Неудивительно поэтому, что украинские пословицы и поговорки обильно представлены в тезаурусе В. Флайшганса. И уже потому, как тщательно и в целом корректно они им транскрибируются латиницей, легко убедиться, что с их пониманием и интерпретаций у составителя проблем не было.

Ссылки на украинские паремиялогические параллели нередко встречаются и в тех словарных статьях тезауруса В. Флайшганса, где демонстрируется общность чешских пословиц и поговорок с другими славянскими. Типична, например, в этом отношении такая словарная статья, где при констатации вероятного заимствованная пословица *Baba s vozu, kolům lehčeji* из польского языка подчёркивается её генетическая общность со словацкими, белорусскими и украинскими вариантами:

baba s vozu, kolům lehčeji (= «když práce, do které se dlouho nechtělo, odbyta, když starý dluh zapraven . . .» C.) baba s vozu, kolům lehčeji 1571 BLAH. Červ., 71 [«staré verštatní» BLAH.]; Č² 582; K. atd. — *slovensk.* baba (koza) s voza, vozovi ľáhšie (lahčejši) Z. XIII, 216.

— *Snad polského původu: srovn.* baba z woza, kołom (koniom) lżej RYS., KNAPSKI atd. A. t. Také *malor., bělorusky atp.* — (I, ř. 5).

Приводятся украинские параллели и к тем чешским паремиям, которые имеют широкий общеевропейский ареал, восходящий к античной традиции:

I malé děti — malá starost (veliké děti — veliká starost)

jestiť obecné příslovie a pravé jest, neb to naše všední zkušení ukazuje, kdež říkají: malé děti malá starost — veliké děti veliká starost 1561 rešel 268a, J. t., K. t.; malé děti malá starost 1570 BLAH. Červ. 42, Č² 406; malé děti malá starost, hrubé děti hrubá starost KOMENSKÝ 1499; srovn. nč. malé děti kaši jedí a velké děti srdce užirají Č² 407.

— «Ač s malými dítkami při vychování jich mnoho musejí míti práce a starosti a pečlivosti rodičové jejich, nežli se odchovají a poodrostau: ale však potom vyrostající podle těla, když budou míti vzdělávání býti v rozauмку nějakém a dobrých mravích, ovšem pak když se již mezi lidi dostanau, tu často bývají synové a dcery třebas i čím dorostlejší anebo i starší, tím větší a těžší starost a někdy i hanba i zármutek» BLAHOSLAV.

— *Z německého* kleine Kinder, kleine Sorgen; grosse Kinder, grosse Sorgen W, Kind, 654; také *italsky, holi., dánsky, čudsky, litevsky; i srbsky, malor., hornoluž.* male džěči — maľka hara; wulke džěči — pótna kara M 6009; *polsky* małe dzieci, mały kłopot; duże dzieci, duży kłopot A, dziecko, 60; *slc.* malé deti, malá starost; veľ'ké deti, veľ'ka starost Z. VII, 714 atd. — (I, 139).

Любопытно, что даже в случаях, когда более широкие и древние европейские параллели к чешским паремиям налицо, В. Флайшганс не упускает — пусть и в виде риторического вопроса — допустить возможность их заимствования именно из украинского языка, напр.:

¹⁶ Ibid.— S. IV.

s blázněm spolku nemievaj

Tak staří a moudří lidé heslo vzali v obyčejí říkuce: S blázněm a člověkem nesmyslným nikdy spolku nemievaj XV¹ TKADL. II. 9; *srovn.* není dobře s blázněm se přáteliti Č² 236; kdo se spolčil s blázněm, rozpolčil se s rozumem Č² 215 (? — *není-li Čelakovského překlad z maloruského*).

— *Podle bible*: cum fatuis consilium non habeas

Ecclus VIII, 20; fatuo non erit amicus t. XX, 17. — (I, 22).

Особый интерес для славистики и украинистики, разумеется, представляют те украинские паремии, которые, по мнению В. Флайшганса, его предшественники (и прежде всего — Ф. Л. Челаковский) «внедрили» в паремиологический фонд чешского языка как свои собственные. Не все они, конечно, имели столь интенсивную адаптацию, как уже упомянутая пословица *Терпи, козаче, отаманом будеш*, но тем не менее достаточно большое их число и в современных сборниках чешских паремий включено как исконные. Уже потому диагностика В. Флайшганса остаётся актуальной, отражая вместе с тем и паремиологическое влияние украинского фольклора малого жанра на чешский. Понятно, что такая «адаптация» украинского в чешском во многом обусловлена генетическим родством этих двух языков и близостью образности их паремиологического фонда.

Ниже предлагаем выборку таких чешско-украинских «паремиологических пар», которые в тезаурусе В. Флайшганса характеризуются ёмкой формулой «je (jest) překlad z maloruského... vzato omylem za původní české přísloví». Украинское происхождение подавляющего большинства таких пословиц легко не только доказать, но и достаточно точно идентифицировать, т. е. определить конкретный источник, из которого был почерпнут материал, включённый в тезаурус В. Флайшганса. Это можно сделать благодаря уникальному собранию украинской паремиологии М. М. Пазяка, где весь материал четко распределен на тематические циклы, а главное — с предельной точностью паспортизирован. Методика такой идентификации заключается в наложении конкретной украинской паремии, использованной В. Флайшгансом, на соответствующий вариантный паремиологический ряд, описанный М. М. Пазяком. Вот ряд пословиц, определённый в соответствии с такой методикой. Варианты паремий, совпадающие у чешского и украинского паремиологов, обозначены жирным шрифтом. Следует также оговориться, что для экономии места нами воспроизводятся сокращённые наименования источников, принятые украинским фольклористом (сокращения, принятые в тезаурусе В. Флайшганса, не приводятся и самим чешским автором), сравним:

[? s babou i čert soud prohrál K. t.: je překlad z maloruského s baboju i děd'ko správu prôgrav Č² 313, *omylem vzatý za původní české přísloví*] — (I, 101).

С бабою і дедко справу програв: а) *З бабою і дідько справу програв* (Ном., 174; Висл., 338; Фр., I, 1, 12; Укр. пр., 1963, 464); б) *З бабою і чорт не виграє, бо вона його переможже* (Ком., 1); в) *З бабою і чорт не годен вийти на кінець* (Прип., 4); г) *З бабою і сам чорт ради не дасть* (Н. н., Вол.); д) *І чорт не виграє з бабою* (Прип., 38). — Рос: Даль, 182; біл.: Гр., 2, 75 (Пазяк, 2, 145).

[drb se kůň s koněm, vůl s volem a svině s sviní K 1 305a: jest překlad maloruského češi sja kiň s koněm, vil s volom a svinja s sviněju] — (I, 170–171).

Чеши ся кінь з конем, віл з волом, а свиння з свинею: а) *Знайся кінь з конем, а віл з волом* (Укр. пр., 1963, 704; ІМФЕ, 1–5, 379, 3); б) *Знайся кінь з конем, віл з волом, а свиня з тин, коли нема з ким* (Н. н., Львівц.); в) *Знайся кінь з конем, віл з волом, свиня з свинею, рівня з рівнею* (Фр., II, 1, 258); г) *Кінь з конем, віл з волом, а свиня об тин, коли нема з ким* (Висл., 280; Фр., II, 1, 289); д) *Чешися кінь з конем, віл з волом, а свиня об вугол* (Н. н., Вол.); е) *Чешися кінь з конем, а віл з волом* (Зін., 255; Ном., 23); є) *Чешися кінь з конем, а віл з волом, а свиня з свинею* (Н. н., Сумц.); ж) *Чешися кінь з конем, віл з волом, а свиня об тин, як нема з ким*

(Ном., 23; Укр. пр., 1963, 704).— Рос: Снег., 253, 503; Даль, 637, 773; біл.: Гр., 1, 430 — Див. віл. (Пазяк, 1, 160).

až budeš pánem, dostaneš všecko darem *W II 572: jest překlad maloruského jak budeš panom, to vsě bude darom* ^{Č² 329, vzato omylem za původní české přísloví} — (II, 87).

Як будеш паном, то все буде даром: а) *Тільки стать паном — усе пійде даром* (Шпш.-Лл., 72; Лл., 91); б) *Трудно стати паном, а то все піде даром* (ВНС, 27; Закр., 211; Ном., 25; Укр. пр., 1963, 104); в) *Як будеш паном, то всьо будеш мати даром* (Павл., 86; Фр., III, 2, 504) (Пазяк, 3, 239).

[? **páni jak blázni, co chtějí to činí** *W II 556: jest překlad maloruského paní jak durní, ščo chotjat, te robľjat* ^{Č² 173, vzato omylem za původní české přísloví}] — (II, 90).

Пані як дурні, що хотять, те роблять: *Пани, як дурні: що хотять, те роблять* (Льк., 73; Ном., 25; Висл., 318; Укр. пр., 1963, 98).— Рос: Снег., 1, 109 (Пазяк, 3, 234).

[? **s velikým pánem není dobře na bratrstvo** *W II 565: jest překlad maloruského s velikimi panami ne za panbrat* ^{Č² 330, vzato omylem za původní české přísloví}] — (II, 93).

С великіми панами не за панбрат: а) *3 панами не будь за пан-брат* (Ном., 26; Чуб., 278); б) *3 паном не братайся* (Зін., 266; Ном., 26; Укр. пр., 1963, 106); в) *3 паном не братайся, а здалека тримайся* (ІМФЕ, 29–3, 122, 150) (Пазяк, 3, 229). Ср.: а) *Він з дідьком за панібрат* (Фр., I, 2, 555) (Пазяк, 3, 285).

[? **nečij, Bože, z Janka pánka** *K II 484b: jest překlad maloruského ne daj Bože z Ivana pana* ^{Č² 101, vzato omylem za původní české přísloví}] — (II, 94).

Не дай Боже з Івана пана: а) *Не дай, боже, з дурня пана* (Чуб., 278; ІМФЕ, 29–3, 135, 31); б) *Не дай, боже, з Івана пана* (Н. ск., 1964, 151); в) *Не дай, боже, з Івана пана, а з Марині — господині* (ІМФЕ, 14–3, 211, 32); г) *Не дай, боже, з Івана пана, з кози — кожуха, з свині — чобіт* (Укр. пр., 1963, 121; Н. ск., 1971, 40); д) *Не буде з Івана пана* (Скр., 44J) (Пазяк, 3, 231).

[? **vyslyšeli by Bůh pokaždě pastuch, všecko by stádo přes léto povzdychalo** *K II 200b: jest překlad maloruského koli b Bog sluchav čerednika, to za léto b usja vydechla čereda* ^{Č² 15, vzato omylem za původní české přísloví}] — (II, 104).

Коли б Бог слухав чередника, то за лето б уся выдохла череда: а) *Якби бог слухав пастуха, то б уся череда вигинула* (Ном., 80); б) *Якби бог послухав пастуха, то б усі віці виздихали* (Прип., 311); в) *Якби бог пастуха слухав, то би весь товар виздихав* (Фр., II, 2, 506); г) *Если б слухав бог пастуха, давно б погнуло стадо* (Зін., 223; Ном., 80); д) *Коли б бог слухав чередника, то за літо уся б видохла череда* (Шпш.-Лл., 35; Укр. пр., 1963, 216; Н. ск., 1971, 66); е) *Якби бог чередника слухав, то досі і одної віці не було б* (ІМФЕ, 24–3, 59, 35).— Рос: Даль, 137 (Пазяк, 1, 261).

Как видим, даже предложенный обзор украинской паремиологии в тезаурусе В. Флайшганса показывает, насколько она востребована при диагностике «исконного — неисконного» славянского наследия в чешском паремиологическом фонде. Доля её в панславянских построениях достаточно велика, чтобы оценить реальную активность украинизмов в этом фонде. Не менее значима её роль и для понимания процесса адаптации близкородственных элементов в различных славянских языках периода Возрождения, когда украинский язык не только стал не просто равным, но — «*grimus inter pares*», поскольку уже выдвинулся на передовую линию языкового и культурного обмена славянства Европы.

(Санкт-Петербург, Росія)